

Н. Русова, В. Шевцов

«По улице моей который год...»

Неподдельная любовь к друзьям и одновременно страстная привязанность к собственному одиночеству — вот контрапункт стихотворения Беллы Ахмадулиной, пожалуй, самой одаренной поэтессы из поколения «шестидесятников». Казалось бы, чувства несовместимые, однако прихотливая образная структура текста убеждает читателя в их искренности.

Лирическая героиня не виновата в «медлительном уходе» своих товарищей — она лишь не противится ему, пытаясь нащупать его причины. При этом героиня искренне желает добра любимым ею людям, хотя для нее уже не секрет обуявшая их «таинственная страсть к предательству». И может быть, именно поэтому в домах друзей не слышно «ни музыки, ни пенья», лишь остались на стенах французские импрессионисты — памятью о прошлом.

Пять строф стихотворения (с третьей по седьмую) превратились в своеобразный гимн одиночеству, хотя он и начинается «зябким» и жалобным восклицанием: «О одиночество, как твой характер крут!» Однако последующее перечисление несомненных духовных благ, которые героиня обретает наедине с собой, культурой («тишь библиотек», «строгие мотивы» концертов) и природой, с ее «детскими секретами», не оставляет сомнений в жизненной необходимости для поэта «голубой стужи» затворничества. Больше того. Познав «мудрость и печаль», лирическая героиня вновь — и с более глубоким чувством — видит перед собой «друзей своих прекрасные черты», которые «растворяются» в пелене ее слез.

Изобразительная структура стихотворения типично ахмадулинская. Пятистопный ямб и большое количество инверсий соответствуют возвышенной торжественности интонации. Лексический строй ощущается как высокий, хотя «маркированных» примет высокого стиля — церковнославянизмов — немного: «очи» в третьей строфе, «не внемля» — в четвертой и «доселе» — в седьмой. Велика роль слов, традиционно относящихся к «книжной» лексике: «медлительный», «беззащитных», «таинственная страсть», «даруй», «мудрость и печаль», «тайный смысл», «бедное невежество былого»... Прекрасны медленно разворачивающиеся сравнения: одиночества — с циркулем, замыкающим круг, и — неожиданно — с лесом, а самой себя — с «баловнем», обласканным одиночеством. Эпитеты Ахмадулина словно пробует на вкус и, подумав, оставляет в тексте; они формируют у читателя подспудное впечатление сотворчества. Задумчивая и торжественная атмосфера стихотворения пронизана неточными рифмами — как отдаленными грозowymi раскатами душевной тревоги.